ЗИМА

Памяти Теда Хьюза

По длинной тени от берёзы спящей,
которую луна слила с моею тенью,
я медленно несу дрова к печи холодной
и не досчитываюсь звёзд
над горизонтом стылым
в предчувствии далёких катастроф
вселенских,
которые оплакать только мне
досталось…
Вино желанно в одиночестве
вечернем,
но душу греет менее, чем тело,
и потому я истово листаю
старинных книг тяжёлые страницы,
сам становясь древнее с каждой
строчкой
и опускаясь бессловесным снегом
на поселенья памяти усталой.
Унылым утром забредают лисы
в пустынный сад мой, чтобы убедиться,
что мерзлых яблок нет уже в помине,
и что заглядывать в мои слепые окна –
заведомо бесцельное занятье.
И грустно мне, что лисы в лес уходят.

***

Я – лайнер, потерявший управленье.
Сто жизней, сжавшихся во мне,
Уже не отвратят мгновенья,
Когда хлестнёт металлом по земле.
Погибших, видимо, не опознают.
Плечами синими пожмёт «Аэрофлот»,
Когда в депешах нервно замелькает,
Что мой нигде не значился полёт.
Лишь ты одна их знала поименно:
Шута, затворника, поэта, короля,
И девяносто шесть иных, вплетённых
В венок огня на вздрогнувших полях.
Что им теперь до твоего удела?
Остынет ветер, травы теребя.
Какое счастье – ты не полетела.
Но как я звал, как звал с собой тебя!

***

Я б поставил памятник собаке,
Не за то, что опыты над ней
Учинял учёный всякий
(Им, учёным, как всегда, видней).
Я б поставил памятник собаке
Не за то, что человеку – друг;
Не за то, что различает знаки
Или в цирке прыгает сквозь круг.
Я б поставил памятник собаке
Лишь за то, что преданней существ
Я не знаю ни в любви, ни в драке –
Ни в одном из действий и естеств.
Глаз собачьих светятся караты.
С этим зверем лестно мне дружить.
…Превзойти нас сердцем семикратно,
Семикратно меньше нас на свете жить.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЁЛКА

Детство. Ёлка. Мандарины.
В школе музыка и смех.
Веселей, чем именины
Этот праздник был для всех.
Шапка. Валенки. Пальтишко.
Скрип полозьев. Голоса.
В наш районный городишко
Возвращались чудеса. –
Возвращались шоколадки,
И помадки, и ситро.

Дед Мороз с лихой трёхрядкой
Нам подмигивал хитро.
Шли каникулы без скуки.
Пекла мама пирожки.
И смотрел солдат безрукий,
Как сражались мы в снежки.

МАМА

Наш старый домик. Как голубка
в клетке,
В нём мама бьётся столько лет подряд.
На время забегают к ней соседки
И всё о прошлом с нею говорят.
А то о печке, о дровах, об угле,
О ценах на товары бытия, –
И, кажется, что, эту жизнь поругивая,
К ним невидимкою подсаживаюсь я.
Потом спешат куда-то мамины
подружки.
Она обходит комнату кругом,
Прихлёбывая чай из старой кружки,
Рисунок чей мне с детства так знаком.
Берёт с комода стопку старых
снимков:
Не до альбомов – все уж порвались –
И нежно шепчет: «Вот он, тут мой
сынка».
А я беззвучно: «Мама, оглянись!»

ЛЯЛЬКА

(Быль, которую поведал мне
старый партизан)

Вразвалку, нетипично для СС,
Входили немцы в боль молчащих улиц:
Село – без мужиков. – И вдруг
наперерез
Собака Лялька молнией метнулась.
Не знаю, кто, когда нарёк
Чернявую красавицу той кличкой:
То ль в Лялю Чёрную влюблённый
паренёк,
То ль кто ещё, как куклу,
или по привычке.
Что сдвинулось в собачьей голове,
Никто не понял в те мгновенья:
Она без лая по родной траве
Неслась быстрее дуновенья. –
Успели немцы зло зареготать,
Чужой распространяя запах.
Но ни один не вознамерился стрелять,
Хоть метры таяли в её лохматых лапах.
И по какой же прихоти бесхитростных
мозгов
Ей больше всех не полюбился
долговязый,
Кто первым шёл и как нельзя годился
для рассказа,
Кто есть эсэсовец, и вид его каков. –
И всеми четырьмя взлетев ему
на грудь,
И повалив, она впилась
во вражье тело.
Тот рвался к кобуре, чтобы извлечь
свой «парабеллум»,
Но всюду зубы преграждали ему путь…
Сплелись два тела на густой траве,
Как расы две, как два мундира.
Стволы тянулись к лопоухой голове,
Но вновь без выстрелов –
не зацепить бы командира!
И замерло почти безлюдное село.
Вцепившись в прясла, молча бабы
выли.
А старики – те усмехались зло.
Одни лишь дети безголосы были.
Припомнил кто-то: это за щенков
С проклятым Лялька так дерётся люто,
А думалось: за братьев, за мужей
и за сынков
Родная псина заступилась в ту минуту.
…Но долговязый был и жилист,
и силён,
И в миг какой-то окровавленной
рукою
До «парабеллума» всё ж дотянулся он…
И с той минуты я не ведаю покоя.
Я заезжаю в старое забытое село.
Есть памятник селянам и тропа
из гальки.
Собаки там редки, глядят незло.
Но нет там памятника Ляльке.

***

Я – старый ветер, знающий в лицо
Младые облака, летящие беспечно.
Я поздний путник, восходящий
на крыльцо.
Я – звук неясный из забытой речи.
И жизнь давно уж обрела свой смысл,
Который мне и добрым людям ведом. –
И он не в том, что след свой
проторили мы,
А в том, чтоб кто-нибудь пошёл
по следу.